
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА РУССКИХ РЕАЛИЙ ИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (на примере перевода поэмы А.С. Пушкина “Руслан и Людмила” на монгольский язык)

Ц. Магсар

Монгольский государственный университет образования
г. Улан-Батор, ул. Сухэ-Батора, 8

В статье рассматриваются способы перевода русских реалий поэтических текстов на монгольский язык.

Ключевые слова: реалия, перевод, поэтический текст, монгольский язык

Перевод русских реалий и этнокультурных явлений из поэтических текстов XIX в., присущих традиционной славяно-русской культуре, является одной из трудных задач для переводчика, особенно когда речь идет о переводе с русского языка на монгольский, такие как эти языки имеют совершенно разные культурные фоны. В данном случае имеются в виду проблемы, с которыми мы сталкивались при переводе поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» на монгольский язык.

Несмотря на соблюдение всех требований к межязыковой трансформации стихотворного текста, при переводе наблюдаются некоторые явные потери, так как перед переводчиком стоят довольно сложные задачи. С одной стороны, необходимо максимально обеспечить доступность текста для широкого круга читателей с иными этнокультурными ценностями, с другой — не нанести ущерб не только формально-содержательным, но и художественно-эстетическим элементам произведения великого русского поэта. Для поэтических переводов такая задача является ультимативной, разумеется, в том случае, если переводимость считается приемлемой. Вопрос о маловероятности обеспечения дословной точности и одновременной художественной полноценности при поэтическом переводе является ключевым в теории и практике художественного перевода.

«Руслан и Людмила» — одно из тех поэтических произведений, которые носят чисто национальный или этнокультурный характер. Это поэма, где «русский дух» чувствуется со всей отчетливостью, где «Русью пахнет» чуть ли не каждая строка. Но мы постарались перевести ее в общую ауру «монгольского духа» с той целью, чтобы ее читали и изучали монголы, чтобы она «жила» на монгольском языке. Естественно, в подобных ситуациях появляется большое количество спорных, а иногда сомнительных вопросов, которые приходится решать одному только переводчику. Они были обсуждены с ведущими российскими специалистами в области лингвострановедения проф. В.М. Шаклеиным и проф. С.А. Хаврониной, которые и предложили автору написать эту статью.

Проблемы, с которыми мы столкнулись при переводе поэмы, условно можно разделить на три группы.

1. Национально-специфические явления или предметы, названия которых соотносимы с монгольским культурным фоном, например названия музыкальных

инструментов — гусли, арфа, волынка. Их можно перевести аналогичными монгольскими названиями (гусли и арфа — ятга; волынка — цуур), хотя русские и монгольские денотаты не соотносятся между собой. Необходимо отметить, что некоторые русские музыкальные инструменты давно уже носят монгольские названия: арфа — морин ятга; баян — баян хуур («баян» — по-монгольски «богатый», что далеко не соответствует русскому «баяну», схожему по корню с вещим Бояном; «хуур» — референциальная единица для музыкального инструмента обычно в составе слов: морин хуур, аман хуур, баян хуур и т.д.). Таким образом, общие монгольские названия «ятга», «цуур» вполне могут сохранять информативную ценность русских денотатов.

Имена героев или нарицательные имена следует переводить, если они носят какой-либо ценностно-информативный характер. В данном случае они обычно бывают переводимыми. Мы сочли необходимым перевод имени одного героя — Черномор, в котором содержится явная информация в прямом смысле — «черный мор». Оно вполне соответствует монгольскому «хар тахал» (черная эпидемия). Таким же образом переведено слово «арап». «Арапов длинный ряд» (в нашем переводе «хар цэргийн урт цуваа», что означает «длинный ряд черных войск») представлен в нашем переводе, может быть, в более отрицательной, чем в оригинале, образной оболочке, так как монгольский «хар цэрэг» носит двойкий информативный характер, где смысл одного, исторически закрепленного в национальном сознании, превалирует над другим — тем, что имеется в виду в поэме.

2. Русские сказочные герои или типичные образы, с которыми монгольские читатели так или иначе знакомы, поскольку многие русские сказки давно были переведены на монгольский язык, включены в школьные учебники и среди читателей пользуются большой популярностью. Например, такие сказочные персонажи, как Баба Яга (нисдэг шулам), Василиса Прекрасная (сайхан Василиса), Русалка (лусын охин), Мальчик-с-пальчик (чигчийн чинээ хуу), а также художественные образы «шапка-невидимка» (далдын хар малгай), «колобок» (онхрууш), сюжет с избушкой на курьих ножках и многие другие популярны среди монгольских детей, поэтому в переводе таких имен (наименований) особых затруднений нет. Таким образом, уже имеющийся в национальной культурной среде культурный фон той нации, которая является создателем текста, может служить только благоприятной почвой для перевода. Нужно отметить, что такой фон формируется в первую очередь посредством самого перевода и с развитием духовных контактов различных народов (тем более соседствующих) имеет тенденцию к расширению.

3. Образы или персонажи, не имеющие монгольских эквивалентов. Их можно сгруппировать по трудности в трансформации, основываясь на том, насколько широк информативный объем данной лексической единицы или художественного образа. Разумеется, чем шире информативный объем, тем меньше возможностей в подборе подходящих эквивалентов, тем сложнее перевод. Например, русская «котомка» — дорожная сумка, носимая за плечами, — если она за седлом, вполне может переводиться на монгольский «богц» — дорожная сумка, носимая за сед-

лом; «кафтан» — старинная долгополая русская одежда — в переводе нами опущено, а высказывание «держаться за кафтан» было переведено одним словом «хормойдох», что означает «хвататься за подол», где в монгольском сознании будет подразумеваться своя национальная одежда «дээл». Таким образом, «кафтан» подсознательно трансформируется в «дээл». Или, скажем, в строчках «Кругом курильницы златые поднимают ароматный пар» сама картина зарождает в монгольском сознании курильницы для благовонного курения можжевельника (чаще в буддийских храмах), что также не вызывает особых затруднений в трансформации поэтического текста, хотя денотаты совершенно разные. Эти примеры представляют определенный ряд лексических единиц совершенно другого рода или вида, чем те, что даются в переводе, однако в художественно-информативном плане они вполне заменимы. Но нельзя распространять данный прием на другие лексемы, тем более если они имеют дополнительный информативный смысл. Например, в переводе на русский язык романа известного монгольского писателя Ч. Лодойдамба «Прозрачный Тамир» национальный монгольский сапог «гутал» был передан транслитерацией (гутул), так как он содержал в себе информации больше, чем обычный русский «сапог»: в гутале можно было ездить сутками верхом зимой в сорокоградусный мороз. Дополнительные информативные доли существительного «гутал» — сделан из хорошей кожи, имеет теплую войлочную подкладку до самого колена, удобный для езды верхом и т.д. — свидетельствуют о том, что «сапог» не может стать «гуталу» эквивалентом.

4. Лексические единицы или художественные образы, которые вообще не имеют точных денотатов в монгольском языке, но формальные эквиваленты для них могут быть найдены. Строка «Одна, красавица младая на берегу плела венок» в нашем переводе на монгольский язык выглядит, может быть, без лексической потери (Усны ховоод залуу бусгуй онгийн цэцэг сулжиж суув), но сам род деятельности «плести венки» или вообще «венки» (более близкий вариант: цэцгээр титэм сулжих) для монгола нетипичен. Поэтому очень возможно, что данная картина для рядового монгольского читателя может вызвать ассоциацию, что человек плетет венки от безделья. Также и «венец». Строка «венец любви, венец желаньям» переведена нами в двойном смысле, где «венец желаньям» («хуслийн зовлон») соотносится со смыслом «страдание от желания», а «венец любви» («хайрын титэм») — вроде «вершины любви» или «венца любви». Или, например, «русская баня» (орос уур). Наша современность дает возможность перевести данное слово благодаря тому, что в настоящее время в Монголии появилось много финских бань. С особым затруднением в этом ряду получился перевод понятия «черная книга» (хар судар). Хотя выбранный вариант в образном плане, на наш взгляд, обеспечивает смысловой оттенок переводимой единицы, но традиционный монгольский хар сугар — это что-то другое, а именно книга, содержащая тексты черной магии, заклинания, магические слова и пр. Поэтому понятие «чернокнижный язык» (хар судрын тарни) получилось как «заклинание чернокнижия», где информативный характер несколько изменен.

Самым трудным является перевод особенных культурно- или национально-маркированных элементов, информативная ценность которых так или иначе

ущемляется в переводе. В частности, имена из различных источников, в том числе религиозно-мифологических (Диана, Орфей, Дорида, Дельфира и др.), обычно даются в оригинале с определенной целью. Например, Орфей — это не только персонаж древнегреческой мифологии, символизирующий певца и музыканта. В поэме «Руслан и Людмила» Северным Орфеем А. С. Пушкин называет своего любимого поэта В. Жуковского. Наверное, Орфей как мифологический образ певца или музыканта в поэтическом тексте вполне мог быть переведен на монгольский язык точно таким же монгольским эквивалентом «Янжинлхам». Но здесь на этот образ поэт накладывает дополнительную информацию, извиняется перед В. Жуковским, что не мог не поддаться влиянию его стиля («...в повести моей забавной теперь вослед тебе лечу»), используя в своей поэме сюжет из его «Двенадцати спящих дев». Там, где возможно в подобных случаях, приветствуется комментированный способ. Например, при переводе такого понятия, как «рыцари парнасских гор», нами использован данный способ (Хэзээний цуут Парнас уулын хэл амаараа тэрслэгчид), где само слово «рыцари» опущено и заменено понятием «противоборствующие в споре» (хэл амаараа тэрслэгчид), поскольку переводом слова «рыцари» нельзя передать даже часть скрывающейся за этим информации о том, что поэты времен Пушкина, поднимающие шум, занимающиеся пустословием, не нравились автору «Руслана и Людмилы». Также опущено имя Мельпомены. «Плохой питомец Мельпомены» в монгольском переводе представлен как «плохой актер, выступающий в роли трагического героя» (эмгэнэлт дурийн муу жужигчин).

Поэтический перевод, особенно перевод насыщенного национальными, историческими, этнокультурными и другими элементами текста XIX в., всегда осложняется проблемой, которая состоит в том, как охватить содержание материала разумной формой. Для решения этой проблемы мы использовали около тридцати дополнительных комментариев в виде приложения к переводу. Например, «Лелем свитый венец», «природный финн», «пустынные рыбаки», «рыцари парнасских гор», «лукоморье», история Громобоя (сюжет из «Двенадцати спящих дев»), «Лемноса хромой кузнец», «монах», «печенеги», «чета духов» «сады Армиды», «Царь Соломон», «князь Тавриды», «Фидий», «Орловский», «Зоил», «Климена» и др. без комментария недоступны большинству читателей; «чета духов» (лус савдаг, албин савдаг), «печенеги» (тонуулч босуулууд) переведены нами способом генерализации. Большую трудность для нас представляло понятие «пустынные рыбаки». От слова «рыбаки» нам пришлось вообще отклониться и остановиться только на слове «пустынный», что предполагало знакомый для монголов род деятельности отшельничества, традиционно распространенный среди восточных религиозных созерцателей.

Есть ряд моментов, которые связаны с русским народным фольклором и непривычны для восточных национальных обычаев и нравов, в нашем варианте перевода они опущены. Например, «в радости лобзает руку», «присвистнул коня», «перчатки» (для воина) опущены, «прижать к устам перст» в одном месте опущено, так как их перевод, очень возможно, придаст непонятные штрихи к портрету героев. Опущена у нас также строка «Повеселись, мой верный меч! Повеселись,

мой конь ретивый!»). Переведена в другом, в более нейтральном стиле строка «Я еду, еду, не свищу, А как наеду, не спущу!», потому что эти строки отчетливо представляют стиль народного фольклора, который требует особого переводческого приема.

Как видим, тут представлены примеры, на наш взгляд, не простые для перевода с русского языка на монгольский, потому и проблемные для переводчика. Все эти проблемы носят единичный характер, мало поддаются обобщению (наше обобщение совершенно условное), поэтому каждый переводчик решает их по-своему, основываясь на своей интуиции. Есть трудности в понимании, особенно если материал отдален в временном или в содержательном плане, и есть трудности в передаче. Естественно, самой проблемной являются трудности в передаче.

Монгольский и русский языки, хотя и неродственные, имеют постоянное взаимодействие, поскольку соседствуют, следовательно, исторически имеют следы взаимного влияния. А это есть фактор, благоприятствующий художественному переводу этнокультурных явлений из «Руслана и Людмилы». В процессе мировой глобализации проблемы, имеющиеся в интеллектуальном общении людей, в том числе проблемы, затрудняющие художественный перевод, будут нивелироваться, однако поэтический перевод этнокультурных и национально-специфических явлений всегда будет интересовать переводоведов и культурологов. Тут уместно упомянуть Г. Гачечиладзе, который писал: «Художественный перевод колеблется между двумя крайними принципами: дословно точный, но художественно неполноценный перевод и художественно полноценный, но далекий от оригинала перевод. Теоретически нет ничего легче, как синтезировать эти два принципа и объявить идеалом точно воспроизводящий оригинал и художественно полноценный перевод. Но на практике подобный синтез невозможен: на различных языках пользуются совершенно различными средствами для выражения одной и той же мысли. Дословная точность и художественность оказываются в постоянном противоречии друг с другом». Так же было и у нас. Мы старались, чтобы прочитавший «Руслана и Людмилу» на монгольском языке получил такое же удовольствие и впечатление, что и прочитавший на русском. Поэтому, как было сказано, перевод пришлось адаптировать к монгольской культуре. Но дух произведения, его художественно-эстетическая ценность, надеемся, не потеряны. Оценка остается за читателями и исследователями.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Виноградов В.С.* Перевод: общие и лексические вопросы. — М., 2006 [*Vinogradov V.S.* *Perevod: obshhie i leksicheskie voprosy.* — М., 2006.]
- [2] *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвостилистического исследования. — М., 1981. [*Galperin I.R.* *Tekst kak obekt lingvostilisticheskogo issledovaniya.* — М., 1981.]
- [3] *Гачечиладзе Г.Р.* Художественный перевод и литературные взаимосвязи. — М., 1980. [*Gachechiladze G.R.* *Xudozhestvennyj perevod i literaturnye vzaimosvyazi.* — М., 1980.]
- [4] *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. — М., 2002 [*Komissarov V.N.* *Sovremennoe perevodovedenie.* — М., 2002.]
- [5] *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. — М., 1970. [*Lotman Yu.M.* *Struktura xudozhestvennogo teksta.* — М., 1970.]

- [6] *Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода. — М., 2008. [*Lvovskaya Z.D.* *Sovremennye problemy perevoda.* — М., 2008.]
- [7] *Магсар Ц.* Место Пушкина в истоке монгольской поэзии нового времени // Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России. Вып. 19. Уч. зап. Государственного университета Чжэнчжи. — Тайбэй, 2012. [*Magsar C.* *Mesto Pushkina v istoke mongolskoj poezii novogo vremeni // Voprosy izucheniya russkogo yazyka, istorii i kultury Rossii.* Вып. 19. Уч. зап. Gosudarstvennogo universiteta Chzhenchzhi. — Тайбей, 2012.]
- [8] *Небольсин С.А.* Пушкин и еворпейская традиция: писатель-классик как фактор самоопределения национальной литературы: Дисс. ... д-ра филол. наук. — М., 2002. [*Nebolsin S.A.* *Pushkin i evorpejskaya tradiciya: pisatel-klassik kak faktor samoopredeleniya nacionalnoj literatury: Diss. ... d-ra filol. nauk.* — М., 2002.]
- [9] *Шапир М.И.* Эволюция стилей в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина // Шапир М.И. Статьи о Пушкине. — М., 2009. [*Shapir M.I.* *Evolyuciya stilej v russkoj poezii ot Lomonosova do Pushkina // Shapir M.I. Stati o Pushkine.* — М., 2009.]

**TO THE PROBLEM OF TRANSLATING
RUSSIAN REALITIES IN POETIC TEXTS
(on the example of translation of A.S. Pushkin's poem
«Ruslan and Ludmila» into mongolian**

T. Magsar

Mongolian State University of Education
8, *Sukhe-Batora str., Ulan-Bator*

The article studies means of translating Russian realities in poetic texts into Mongolian.

Key words: reality, translation, poetic text, Mongolian.